

Баку и бакинцы

В ДОРОГЕ,
У КОТОРОЙ
НЕТ КОНЦА...

ДЕНЬ ТОТ — 29 ОКТЯБРЯ — ПОЧТИ ПОЗАБЫТ... ТОЛЬКО МУЗЫКА И ЗАПОМНИЛАСЬ — СОВРЕМЕННАЯ И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ДРЕВНЯЯ, ДО БОЛИ РОДНАЯ, КАК ЗЕМЛЯ, НА КОТОРОЙ ЖИВЕШЬ. И ЕЩЕ ЗАПОМНИЛСЯ ОН, В ЦЕНТРЕ БОЛЬШОГО ЗАЛА, СЧАСТЛИВЫЙ ОТ ТОГО, ЧТО СНОВА ПРИЗНАН ЛУЧШИМ ПИАНИСТОМ, ЧТО ТАК РАДОСТНО ПРИНИМАЮТ ЕГО В РОДНОМ ГОРОДЕ.

ФЕСТИВАЛЬ «ДЖАЗ-69» ПРОДОЛЖАЛСЯ, И ПОЧТИ НИКТО НЕ ЗАМЕТИЛ, КАК ПОДКАТИЛА МАШИНА «СКОРОЙ ПОМОЩИ» И УВЕЗЛА ЕГО ДОМОЙ С СЕРДЕЧНЫМ ПРИСТУПОМ.

— ВАМ НЕЛЬЗЯ ВОЛНОВАТЬСЯ, — СКАЗАЛ СТРОГИЙ ВРАЧ «СКОРОЙ».
— ПРОСТИТЕ, ДОКТОР, РАДОВАТЬСЯ ТОЖЕ?
— РАДОСТЬ — ЭТО ТОЖЕ ИЗ ОБЛАСТИ ЭМОЦИИ, — ПОСЛЕДОВАЛ ОТВЕТ.

...Был обычный для осени дождливый вечер, когда я, промокнувший до нитки, вошел в темный крепостной переулочек. Стены домов с обеих сторон высокие, без окон, вытянутая форма минарета вдали — все это напоминало причудливую картину. И как-то неожиданно «появились» дверь парадной, затем узкая деревянная лестница и, наконец, табличка «Муштафазаде В».

Вагиф лежал. Рядом на диване сидели его мать — тетя Зивяр и жена Эльза; женщины о чем-то тихо переговаривались.

— Дождь идет, Вагиф...

Я вспомнил дождь серебряных звуков, когда он играл свое «76» (это джазовая композиция из 76 тактов). В тот вечер мы говорили о направлениях поисков в джазе, о том, что все труднее уследить за его развитием, что все же намного доступней старый, «традиционный» джаз и так далее.

Вагиф: — ...Начинать надо, видимо, со старого джаза. Многие молодые сразу же «лезут» в авангард и, сделав два-три шага в лабиринтах модернизма, останавливаются. Как правило, путь дальше закрыт: нет школы, глубоких познаний, незнакомы сама природа джаза. Я начинал с «традиционного».

...Ему было всего три года, когда он начал играть. Сначала учила его мама, а потом профессор Шароев.

Вагиф рассказывает, что именно ему он и обязан той техникой, тем «аппаратом», которым сейчас владеет.

Как ни странно, старый профессор, не протиснувшись к Вагифу джазовой музыкой. Он с вниманием слушал еще незрелые композиции

Вагифа и давал ему советы. И все же профессор желал видеть своего талантливого ученика именно пианистом — «классиком».

...Пора его серьезных занятий джазом. К этому времени Вагиф хорошо был знаком с «традиционным» джазом, советским джазом и отличным знал... азербайджанский мугам. Да, тот самый мугам, к которому впоследствии обратятся многие джазовые музыканты, лад которого назовут чуть ли не джазовым.

И опять вспомнилась «76», та часть ее, когда так тонко подвел он «Баты шираз» в самую кульминацию композиции.

— Это уже от мамы, — говорит Вагиф, — она у самого Узеирбека училась мугаму. Гаджибеков называл «Баты шираз» «невестой музыки».

Вагиф попросил сыграть «Раст», и тетя Зивяр с охотой согласилась и уселась за красивый полированный «Ростов-Дон». У противоположной стены, заваленной книгами, смиренно стоял большой концертный «Беккер». — Доломал, — мигнул в сторону рояля Вагиф. Полились первые трели «Раста». Вагиф слушал сосредоточенно, изредка поясняя: «...Это гусейны, теперь уже вилаеты, а вот шикестей — фарс, хаверен, араз...».

Мать кончила играть, и беседа наша коснулась несколько «щепетильной» темы.

— Вагиф, многие не воспринимают джазовую музыку...

— Понять ее, действительно, трудно, но вот, когда говорят, что джаз невозможен, противен... Это же серьезная музыка, не «тару-рам»...

Вдруг он улыбнулся: — А знаете, это даже

знаменательно, что не понимают часто и классику, и джаз, а песенки правятся.

— Вся прелесть джаза в том, что его каждый раз играешь по-разному, в зависимости от настроения, аккомпанемента. Очень многое здесь зависит от «компетентности» слушателя. Я люблю лирический джаз, люблю минор...

— Он очень любит смеяться, — «аттестует» Вагифа Эльза. И музыка у него такая — светлая и великодушная.

Для Вагифа музыка — это все. Вот и сейчас, возбужденный игрой матери, он уселся за инструмент. Играл с упоением, изредка поглядывая на нас. Играл и рассказывал о своих планах.

...Задумал организовать квартет девушек — исполнительниц азербайджанских народных мелодий, уже провел первые репетиции. Но вот подкачал... Надо быстрее выздоравливать, чтобы играть, играть...

— Современный джаз требует большого исполнительского мастерства. Это когда руки сами знают, куда ложиться.

...Чтобы только мыслить во время импровизации, думать. — Но до этого надо путь пройти, — улыбается Вагиф. Инструмент, руки, мысль — это сложнейшее «трио», это годы труда. Это очень длинный путь — к совершенству, и я всегда помню о том, что у этой дороги нет конца...

...Когда выходил из тупика, дождь все еще лил и даже сильнее. В вечерней тьме растворились и стены домов, и высокий минарет Дворца Ширваншахов. На мостовую звонко падали большие капли... Исполнялся блюз природы.

Джеваншир МЕЛИКОВ.